

## Лекция 2

Автор Анатолий Козлович

### ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ

**Тема: Публицистика как инструмент влияния. Ораторы древней Греции. А.Герцен, Н.Чернышевский, В.Белинский, А.Толстой, К.Симонов, С.Смирнов, Янка Купала, Я. Лёсик, Э.Золя, Э.Хемингуэй, В.Овечкин, Ю.Черниченко.**

#### План

1. Древние ораторы.
2. Публицист Дж. Байрон.
3. Публицист А. Пушкин.
4. А. Пушкин отвергает взгляд А. Радищева.
5. Революционная публицистика: А. Герцен, М. Салтыков-Щедрин, Н. Чернышевский, Д. Писарев, В. Белинский.
6. Военная публицистика: А. Толстой, К. Симонов, П. Павленко, С. Смирнов, И. Эренбург, В. Быков.
7. Публицистика и пропаганда. Э. Хемингуэй отвергает взгляд Янки Купалы. Я. Лёсик.
8. Публицистика и власть. В. Овечкин, Ю. Черниченко.

#### 1.

«Убедивший так же виновен, как и принудивший».

Эта сентенция принадлежит древнегреческому оратору Горгию, жившему в 5 веке до новой эры. В речи «Похвала Елене» он не только блестяще доказал невиновность красавицы Елены, которую миф преподносит как виновницу Троянской войны, но и раскрыл собственную технологию словесного убеждения, не подкрепленного фактическими данными. То есть сформулировал вечную проблему публицистики: взаимоотношения факта и мнения.

Горгий был и блестящим оратором, объездившим с публичными речами всю Грецию, и крупнейшим теоретиком красноречия, и циничным скептиком, не верящим в то, в чем он убеждает своих слушателей. Обучая за приличную плату юношей из богатых семей красиво говорить и логически мыслить, мудрый Горгий считал, что истины не существует, а существует лишь технология (искусство) доказательств. Истинным люди считают то, что доказано при помощи слова.

Взяв в основу упомянутой речи все четыре мифические версии виновности Елены, Горгий оправдал ее по всем пунктам, не аргументировав ни единым фактом! Сам не веря фактам (их просто не было), он верил только своему слову, убедил слушателей, то есть принудил, в чем и сам признавался перед учениками, демонстрируя личным опытом, что «слово – величайший

владыка», что «одна речь, искусно написанная, не по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться».

С таким же блеском Горгий, если бы захотел ученикам наглядное поученье сделать, мог бы обвинить ту же Елену по всем четырем пунктам. Ему было подвластно процветающее в Греции искусство логографа, который мог сочинить судебную речь и для обвинителя, и для защитника. И обе речи были убедительны! Следовательно, преступны, ибо уводили от истины, от факта, от сложившегося мнения. Горгий сам удивлялся и восхищался тому, «как быстро они (логографы – **А.К.**) заставляют менять доверие к мнению!»

Убедительно доказывать недоказуемое умели в древней Греции и Горгий, и Лисий, и Демосфен, и Эсхин, и многие другие кудесники слова. Странствующий ритор, выступающий в греческих городах с речами и лекциями, заменял современникам чтение, являлся прообразом современного публициста, печатающего в газете статьи либо говорящего с телеэкрана, доводящего до читателей либо слушателей свое мнение. «И сколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство!» – воскликнул Горгий 25 веков тому назад, признаваясь в собственном грехе убеждения, но не считая сие грехом.

Не тосковал ли знаменитый древний грек по факту как основе мнения? Возможно, преподаватель-софист, скептик, не верящий в истину, сам задумывался и учеников наводил на вопрос: если не существует факта, то так ли уж всевластна над людьми поэзия, как он иногда называл ораторское искусство?

Ответить убедительно на поставленные нами (и, хочется думать, Горгием) вопросы могут только сами поэты. Их и послушаем.

## 2.

27 февраля 1812 года поэт Джордж Байрон произнес в палате лордов первую речь – выступил в защиту луддистов. Лорды обсуждали законопроект, предусматривавший смертную казнь рабочим, которые разрушали вязальные и ткацкие станки, тем самым борясь против массовых увольнений, нищеты, бесправия.

Выступление лорда Байрона была образцом красноречия и вольнодумства, насыщено сарказмом к армии, гневом к властолюбивым чиновникам, жалостью к рабочим, гуманистическим пафосом, изящной логикой, эпитетами, сравнениями, метафорами. Но убедить палату лордов в бессмысленности и жестокости смертной казни для луддистов поэту-оратору не удалось.

5 марта 1812 года закон вступил в силу. Без промедления начались массовые казни рабочих, в Шервудском лесу, приютившем когда-то вольницу Робин Гуда, луддистов вешали на многовековых дубах. Для устрашения. Для демонстрации обществу очевидной истины: никакие поэты власти не указ.

Речь Байрона была исполнена публицистического мастерства, убежденности в собственной правоте, но практически лишена доказательной базы. Не названо ни одной фамилии, ни одного точного адреса, никаких цифр, никаких фактов. Красивые броские слова, правильные умозаключения, самоотверженная смелость, человеческое благородство – все это не повлияло

на лордов, не создало в их палате мнения о бесчеловечности смертного приговора.

Мы не утверждаем, что будь Байрон вооружен точными фактами и вещественными доказательствами, лорды не утвердили бы законопроект о смертной казни. Однако нам никуда не деться от досады, что поэт, понадеявшись на поэзию, пренебрег прозой жизни – фактами. Если бы он обрушил на головы лордов лавину фактов, не на словах а на деле показывающих, что причина беспорядков «кроется еще глубже», что «эти люди рады были копать землю, но лопата была в чужих руках», – если бы мужественный, добросердечный поэт хоть на мгновение превратился в журналиста и собрал бы факты, то, как заведено во всех парламентах во все времена, милорды назначили бы комиссию для проверки фактов, а не пустились бы во всю прыть расстреливать и вешать несчастных рабочих.

Наше допущение, конечно же, было бы окончательно беспомощным и вульгарным, если бы на подмогу нам не пришел другой знаменитый поэт, разработавший и в личной практике применивший иную, чем у Байрона, методологию использования факта в публицистике. Этот поэт – Пушкин.

### 3.

С декабря 1833 года до апреля 1834 года Александр Пушкин мучился над статьей «Путешествие из Москвы в Петербург». Название вам что-то напоминает? Правильно, Пушкин вознамерился поспорить с Александром Радищевым, написавшим «Путешествие из Петербурга в Москву». Избрав условную форму путешествия по России, поэт вознамерился поспорить с Радищевым, увидевшим Россию чересчур мрачной, мерзкой и за это угодившим на каторгу. Пушкин видел Россию более светлой, взгляд его был оптимистичным. Некоторые исследователи, не желая «ссорить» Пушкина и Радищева, говорят, что в этом произведении лирический герой-повествователь, открыто высказывающий свое мнение, вовсе не Пушкин, а некий воображаемый автор.

И все-таки перед нами Пушкин! Утверждать так мы имеем право, опираясь на публицистический метод Пушкина, строившего свои суждения на фактах, на личных наблюдениях. Мерзкие картины крестьянской жизни, нарисованные Радищевым, Пушкин называет «карикатурой», «тогдашним модным краснословием». Пушкин не без язвительности подловил Радищева на неточности, публицистических натяжках: «Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь* (выделено у Пушкина – **А.К.**).

Пушкин вспоминает луддистов: «Прочтите жалобы английских работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений!» Информацию о луддистах Пушкин почерпнул, конечно же, не из Байрона, а из других, более достоверных писаний. Главный источник мнений, по Пушкину, – сама реальная жизнь. Смотри, вникай, размышляй, делай выводы. Вот выводы Пушкина, противоречащие выводам Радищева: «Взгляните на русского человека: есть ли тень рабского уничижения в его поступи и речи?.. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по

миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения...»

Личное мнение о крестьянине России публицист Пушкин строит на трех китах: жилище, корове, бане. Построив прочный фундамент, публицист наконец вершит свое мирозданье кардинальной сентенцией: «Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»

#### 4.

Горгий считал ораторство (читай: публицистику) поэзией, Байрон вполне подтвердил это утверждение, Пушкин – разрушил до основания. Преодолев соблазн красноречия а ля Байрон, незлобливо посмеявшись над «пустословием» Радищева, отвергнув «высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности» Ломоносова, Пушкин пришел к журнализму как методу исследования жизни с последующим вынесением аргументированного публицистического приговора. И текст этого приговора прозрачен, не загроможден поэтическими тропами, даже допускает (у Пушкина!) газетные штампы.

Пушкин прозаичен и деловит в доказательствах, Байрон трясется от страсти как можно скорее донести свои прозрения публике. Пушкин приводит длинные скучные цитаты, Байрону они не нужны, главное свидетельство и доказательство – он сам, его чувства, его убеждения, его внутренняя свобода, его внешняя раскованность. Радищев, осознанно нагнетая мысль «большею частью ложных», призывает к топору, Байрон бесстрашно фокусирует на себе ненависть правящей верхушки, Пушкин пишет тоже не без трепета страсти: «Мысль! Великое Слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом*» (выделено у автора – **А.К.**).

Свои убеждения Байрон бурно вываливает на головы современников. Пушкин к своим убеждениям публику тщательно готовит. И тот и другой в плену великой и неудержимой мотивации публициста – влиять на человека, влиять на общество. У обоих поэтов публицистика влияния зарождается из желания сугубо личного, интимного, как поэтическая искорка. Публицистика действительно сродни поэзии, у них одна психологическая база, одна «мама» – душа. Но, родившись вместе, истинная поэзия надолго остается ребенком, а истинная публицистика быстро обретает социальную зрелость, общественную мудрость.

Пушкин неудержим в поэзии, где творческие методы устремляются вслед за безграничной душой, но умерен в публицистике, где методологические границы устанавливает факт и где наблюдаемые реалии не позволяют своевольничать мнению. Почему Пушкиным овладело публицистическое желание опровергнуть (уточнить) Радищева, которого он почитал? От лучшего

знания жизни? От его, Пушкинского, либерализма? От глубочайшей озабоченности будущим? От боязни революций, этих беспощадных русских бунтов, в чем он убедился, исследуя историю Пугачева?

Находить ответы на поставленные вопросы – не цель этой лекции. Наша цель – предложить молодым журналистам и публицистам для осмысления и обсуждения следующие тезисы: 1.Пушкина-поэта зачастую цензурировал Пушкин-журналист; 2.Публицистика влияния влияет и на самого публициста; 3.Поэзия не всегда помогала Пушкину выразить себя, вот и пришла на помощь публицистика; 4.Не будь Пушкин публицистом, мы никогда не узнали бы, каков он на самом деле.

## 5.

Сравнивая Байрона и Пушкина, мы не сравниваем уровень (качество) их публицистики: оба примера являют собой классические образцы текстов, рожденных в разных обстоятельствах и потому с различными творческими целями и методами их воплощения. Предмет нашего разговора – именно метод. В методе раскрывается личность публициста, обнажаются его общественно-политические установки.

Пушкин опасался резких общественных перемен, но публицисты-современники, а также пришедшие вслед за Пушкиным, звали к таким переменам. Публицистика Александра Герцена, Николая Чернышевского, Дмитрия Писарева, Виссариона Белинского, Николая Добролюбова преследовала великую цель – ускорить и приблизить революционные перемены, для чего публицистическим словом побудить человека, повлиять на обстоятельства, разрушить старые устои, предложить новые варианты общественного устройства. Это – классическая публицистика влияния. Ее зримый образ – «Колокол», русская революционная газета, выходившая в Лондоне и Женеве с 1857 по 1867 гг.

Назначение колокола – производить колокольный звон, призывать. Герцен и Огарев выпустили 245 номеров «Колокола», звонко пропагандируя идеи «русского социализма», освобождения крестьян. Освещая жизнь Российской империи, газета много площади отводила сообщениям с мест, почтительно и аккуратно относилась к факту. Примечательно, что журналистские жанры (информация, заметка, репортаж) в газете не глушились громкой (колокольной) публицистикой. Сам Герцен, выступая как публицист, часто отталкивался от литературных произведений современников, отстаивал принципы реализма, полемически призывал литераторов всматриваться в общество, служить обществу, создавать идеалы, граждански наполненные, нравственно безупречные, эстетически полноценные.

Публицистика в те годы просвещенной публикой воспринималась полноправной соперницей поэзии, беллетристики. Н.Чернышевский ставил в заслугу Пушкину именно то, что тот «первый стал описывать русские нравы и жизнь различных сословий русского народа с удивительной верностью и пронизательностью. До него почти не имели об этом понятия».

Улавливая стремление общества увидеть свое документальное (зеркальное) отражение, пронизательный Пушкин написал «Путешествие в

Арзрум» (а перед тем предпринял это небезопасное путешествие на Кавказ, где шла война).

«Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии – только бледная и почти всегда неудачная подделка действительности», - утверждал Чернышевский в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», в научной диссертации, больше напоминающей полемическую статью публициста.

В литературно-критической статье «Губернские очерки» Н.Чернышевский пишет: «Признаемся, нас очень мало интересовали все эти так называемые общественные язвы, раскрываемые в «Губернских очерках». Сказать ли откровенно? Мы даже придерживались той теории, что не дело беллетриста заниматься исцелением этих язв...» И еще: «Гораздо интереснее показалось нам сосредоточить все наше внимание исключительно на чисто психологической стороне типов, представляемых Щедриным».

Анализируя знаменитые очерки Салтыкова-Щедрина, литературный критик был менее всего литературным критиком, ибо напряженно и глубоко исследовал современную жизнь и ее реальные типажи, провел читателя через перипетии и нюансы человеческих взаимоотношений, исследовал влияние обстоятельств на человека. То есть проделал объемную работу публициста, чтобы в заключение предложить читателю главную свою мысль (следовательно, цель публициста): «Защищая людей, мы не защищали злоупотреблений. Нам казалось, что можно сочувствовать человеку, поставленному в фальшивое положение, даже не одобряя всех его привычек, всех его поступков».

Публицист Чернышевский, иллюстрируя и развивая собственным творчеством идеи своей диссертации, задает публицистике новую высоту полета: не только живописать действительную жизнь во всей ее красоте и мерзости, но и находить психологическую подоплеку в действиях реальных людей, руководствоваться гуманным отношением к человеку.

Чернышевский сформулировал то, что можно назвать эстетической сущностью публицистики и что составляет одну из важнейших задач ее непосредственного влияния на человека. Как из публицистического текста произрастает эстетика, можно проследить и в литературно-критических работах В.Белинского, Н.Добролюбова, Д.Писарева. Их произведения вносили в российское общество и передовые идеи жизнеустройства, и новые эстетические ценности, в основе которых – самоё жизнь.

## 6.

В предисловии к очерку «Путешествие в Арзрум» публицист А.Пушкин полемически отмечает: «Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой – слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело».

Метод Пушкина отвергла большая группа (полк!) публицистов, воспевавших подвиги советских людей в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и вмешавшихся в военные суждения. Их произведения вошли в историю литературы и журналистики под классификацией «военная публицистика».

Наиболее яркие имена в этом «полку»: А.Толстой, К.Симонов, И.Эренбург, С.Смирнов, Б.Полевой, Л.Соболев, А.Фадеев, В.Быков, Янка Купала.

Очерки, репортажи, статьи, составившие большой пласт военной публицистики, печатались в газетах и журналах по свежим следам событий, с фронта, из партизанского леса, с пылу с жару. Они одновременно пресыщены и точными фактами, и расхожими фразами советского агитпропа. Публицистике ставились прикладные цели: помогать руководящей и направляющей партии вести советский народ на священную войну за Родину, за Сталина. Наиболее зорким, наиболее честным публицистам удалось преодолеть штампы, обязательную риторику, выйти на более высокий уровень обобщений, типизации, показать истоки народного подвига и даже глубинные причины поражений в первые дни войны. К таким авторам относится Константин Симонов.

Военная публицистика К.Симонова ценна и поучительна молодым публицистам прежде всего авторским самопреодолением. Военному корреспонденту удалось преодолеть стереотипы социалистического реализма, жесточайшие рамки цензуры и более-менее правдиво нарисовать первые дни войны, когда он в гуще военных событий (под Могилевом) вел дневник, анализировал причины отступления Красной армии, показывал отчаянное сопротивление отдельных частей и бойцов, верил в обязательную победу, напряженно думал о жизни после войны, когда необходимо будет исправлять допущенные ошибки (очерки «Июнь-декабрь»).

Некоторые прозрения автора оказались пророческими, что стало ясно чуть позже. После войны автор счел необходимым переиздать свою военную публицистику без изменений и дополнений. И тут перед ним встала этическая проблема публициста, документалиста: как уберечься от соблазна предстать перед читателями всезнающим пророком образца 1941 года - умолчать о собственных ошибках того времени либо дописать то, что вполне понятно теперь, после войны?

К.Симонов поступил неординарно, в высшей степени честно. Он запер свои военные дневники в сейф, отдал ключ друзьям, сказал: когда выйдет переиздание, сравните тексты. В поступке Симонова нам видится и проявление тех качеств, которые называют красотой человеческой души, эстетикой реальной жизни.

Те же чувства восхищения вызывает поступок публициста Сергея Смирнова, в пятидесятых-шестидесятых годах вернувшего из забвения, из презрения подвиг защитников Брестской крепости. Преодолев общественный скепсис и официальное равнодушие, Смирнов по крупицам собрал и восстановил картину первых дней войны, назвал имена защитников крепости, показал благородство и мужество человека в непреодолимых условиях, чем привел читателя в состояние, в эстетике и этике называемое катарсисом.

Лучшие образцы военной публицистики, типичнейшей публицистики влияния, преодолели каноны идеологической пропаганды, вырвались за пределы партийной литературы как составной части партийного дела (Ленин), служат людям как предмет эстетического и этического переживания, очищения. К таким образцам принадлежит эссе Василя Быкова «Вайна і перамога», написанное в конце девяностых. Эссе поражает новой правдой о войне, замалчиваемой авторитарными властями полвека, и мужеством

автора, который обнаружил и показал прямую наследственную связь между советским человеконенавистническим государством военного времени и белорусским государством, установившимся в 1994 году.

За правду Быков удостоился официального оскорбления и вынужден был уехать из Беларуси, как когда-то Герцен уехал из России, где в жандармской характеристике о нем навеки записано, что “он смелый вольнодумец, весьма опасный для общества”.

Неотвратимо вырисовывается следующая закономерность: чем “опаснее” публицистика влияния для автократии и деспотии, тем она истиннее, тем больше в ней правды, тем она гуманнее, перспективнее, эстетичнее.

## 7.

Вернемся к военной публицистике. Ведь она существует не только в исполнении советских писателей. Может быть, писатели иной творческой школы, иного общественного воспитания, иного политического контекста продемонстрируют нам какие-то новые особенности публицистики влияния. Скажем, - Эрнест Хемингуэй.

О публицистических текстах Хемингуэя мы подробно поговорим на семинарских занятиях, а пока нам важно знать, какие цели ставил перед собой сам писатель, отправляясь изучать войну в Испании. Процитируем из речи Хемингуэя “Писатель и война”, произнесенной в июне 1937 года на Втором конгрессе американских писателей:

“Когда люди борются за освобождение своей родины от иностранных захватчиков и когда эти люди – твои друзья, и новые друзья и давнишние, и ты знаешь, что на них напали и как они боролись, вначале почти без оружия, то ты, глядя на их жизнь, и борьбу, и смерть, начинаешь понимать, что есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже. В Мадриде мы, военные корреспонденты, в прошлом месяце девятнадцать дней были свидетелями убийства. Совершала его германская артиллерия, и это было отлично организованное убийство... Начав описывать все это, я вызвал бы у вас только тошноту. Может быть, я пробудил бы в вас ненависть. Но не это нам сейчас нужно. Нам нужно ясное понимание преступности фашизма и того, как с ним бороться”.

Военные репортажи и очерки Э.Хемингуэя отличаются, например, от очерков и дневников К.Симонова тем, что в них отсутствуют пропагандистская оболочка и фразеология. Автор не скрывает, что он на стороне испанских республиканцев. Но он боится быть винтиком пропагандистской машины тех же руспубликанцев. Не без удовлетворения описав их очередную победу на поле боя, Хемингуэй извинительно дополняет: “Кое-кому это не понравится и будет объявлено пропагандой, но я-то видел поле боя, видел трофеи, пленных и мертвецов”.

Цель публициста Хемингуэя и состояла в том, чтобы увидеть войну собственными глазами, в подробностях проследить поведение человека, в том числе и свое собственное, и, используя военный материал, подняться до категориальных обобщений (о том же фашизме, скажем). Ненавидя фашизм, публицист Хемингуэй, тем не менее войну изучал (“Четыре дня подряд я изучал поле боя под Бриуэгой, обходя его с командирами, которые руководили



сражением, и с офицерами, которые вели бой, - проверил позиции, прошел по следу атакующих танков...”).

Изучая, военный корреспондент не служил воюющим сторонам, пытался быть над схваткой, и ему это давалось легче, он не возбуждался ненавистью сам и не ставил целью возбудить ее у читателей, как, допустим, Янка Купала, которому советская система определила роль своего винтика. Купала, в отличие от Хемингуэя, призывал к ненависти:

“Браты беларусы! Хіба мы даруем фашысцкім гадам тое, што яны разбурылі нашы гарады, што яны асірацілі гэтулькі нашых дзяцей, адабралі жыццё ў сотняў тысяч нашых людзей, спапялілі нашы вёскі і сёлы, адабралі ў нас хлеб, не далі нам жыць мірна, вольна і шчасліва? За кожную кроплю нашай крыві пральём у сто разоў больш сабачай фашысцкай крыві. За слязу нашай жанчыны аб замучаных дзецях вырвем не слязу, а кроў у фашысцкаф гадзіны разам з вачыма, разам з паганай яе галавою”.

И тут поэт-публицист добавил самый веский аргумент:

“Бальшавіцкая партыя сказала нашаму народу: ты народ вялікі і магутны, бо праз доўгія вякі нацыянальнай і сацыяльнай няволі пранёс, захаваў і давёў да слаўных вышынь сваю нацыянальную культуру і свой нацыянальны твар...”

Вот тут поэт-публицист согрешил пропагандистской неправдой: и про “хорошую” партию, и про “вышні”. Согрешил и перед народом, и перед самим собой, ибо хорошо знал о бедственном положении национальной культуры белорусов, сам об этом писал в двадцатые годы в аргументированных статьях и, конечно же, читал о том же в статьях публициста Язэпа Лёсика.

Хемингуэй, изучая войну, пишет точно, документально. Купала, приравняв к оружию свое перо и встав в славные солдатские ряды, потерял дар публициста, пишет приблизительно:

“А вы, сыны вольной Белоруссии, вынужденные сменить свои заступы и плуги на винтовки и пулеметы, с нив и садов ушедшие в ямы и леса...”

Эти неточные, придуманные, а не лично увиденные автором “ямы и леса” вызывают только недоверие к публицисту.

Хемингуэю веришь, Купале – нет.

У Хемингуэя – публицистика, у Купалы – прокламация.

Хемингуэй по сей день интересен профессионалам-публицистам, Купала – лишь историкам, изучающим, как система ломала писателей.

“Есть только одна политическая система, которая не может дать хороших писателей, и система эта – фашизм. Потому что фашизм – это ложь, изрекаемая бандитами”, - сказал Хемингуэй в упомянутой речи. Из политкорректности он не назвал еще одну аналогичную систему – СССР.

## 8.

Тем не менее в СССР существовала, развивалась, достигала определенных творческих высот публицистика. И немало текстов советской публицистики достойны профессионального внимания, изучения. В этой лекции мы

сосредоточим наше внимание на следующих – знаковых! - персоналиях: В.Овечкин, Ю.Черниченко.

В январе 1953 года (еще жив Сталин, еще слепа и одурманена сталинщиной советская народная масса) знаменитый публицист Валентин Овечкин пишет главному редактору “Нового мира” Александру Твардовскому:

“Может быть, не дело литераторов подсказывать правительству какие-то организационные решения, но безусловно наше дело показывать ход новых процессов в жизни из глубины, показывать назревание необходимости принятия организационных решений, не откладывая дело в долгий ящик”.

В этих словах – ключ для понимания принципов уникальной советской публицистики влияния, классиком которой является В.Овечкин. Во-первых, ее лучшие представители обладали глубинным зрением, обнаруживая в толще жизни новые процессы и тенденции. Во-вторых, они имели тайное желание просигнализировать об этих процессах и тенденциях прежде всего правительству, а затем прочим читателей. В-третьих, их переполняло страстное желание скорее добиться практических изменений к лучшему в той самой жизни, которую они понимали значительно глубже, чем остальные современники, включая и членов правительства. “Пишешь, пишешь, и – ни хрена, ни на градус не повернулся шар земной”, - в отчаянии написал однажды В.Овечкин другу.

Повернуть “шар земной”, то есть извращенную, затратную бюрократичную экономику СССР в здоровое русло В.Овечкин решил в начале пятидесятых годов 20 века. Его замысел воплотился в цикле документально-художественных очерков “Районные будни”, где действуют типизированные герои. Редакторы всех ведущих московских газет и журналов отвергли рукопись Овечкина, убоявшись гнева “правительства”, которому публицист *подсказывал*. Ведь он не только подсказывал, но и *разоблачал*. К примеру, он первым показал такое отвратительное явление советской жизни, как борзовщину (по имени партийного работника Борзова). Борзовщина – это бюрократизм, чванство, очковтирательство. Это – смертельная язва советского строя. Как можно говорить об этом во всеуслышание, когда в Гулаг отправляют людей даже за смелые частушки, квалифицируя их как поклеп на советскую власть!

Опубликовать очерки “Районные будни” в “Новом мире” решился Александр Твардовский. Позже он вспоминал: “До “Районных будней” в нашей печати много лет не появлялось ничего похуже на этот очерк по его достоверности, смелой и честной постановке острейших вопросов”.

Сталин простил Овечкину и Твардовскому их дерзость. То ли диктатор посредством публицистики Овечкина позволил выпустить пар, то ли решил поиграть в демократию? Никто не знает.

За Сталина принял решение Хрущев, когда вдоволь наигрался в демократию и по сути превратился в Сталина. Он не потерпел вмешательства публицистики в функции высшей власти. Овечкин по привычке, по велению сердца и таланта подсказывал, как спасти от деградации целинные земли, а Хрущев подсказок не потерпел. Публициста опять перестали печатать, отстранили от публицистики, от вмешательства в реальную жизнь, предложив освещать жизнь мифическую, отраженную в речах Хрущева и в решениях партии.

От отчаяния Овечкин выстрелил себе в голову. Чудом остался жив. Но как публицист умер. Понял, наконец, что превысил свои публицистические полномочия. Уразумел свою ненужность - вот в чем трагическая сущность советской публицистики влияния. Тем не менее, осознавая ее, на смену Валентину Овечкину заступил Юрий Черниченко, признавшийся, что “Овечкин был властителем чувств моей молодости”.

Публицистика влияния рождается от нетерпеливого чувства изменить мир, повернуть шар земной. Эти чувства подвигли Эмиля Золя вступить за безвинного капитана Дрейфуса, отправленного на каторгу за шпионаж, которого он не совершал. Эти благородные чувства заставили Юрия Черниченко глубоко изучить сельскую жизнь, предложить умнейшие решения по ее реформированию (очерки “Ржаной хлеб”, “Русская пшеница”, “Про картошку”), чтобы тоже, как его учитель Овечкин, увидеть свое бессилие.

Черниченко не стал стреляться, он ушел в политику - создал и возглавил Крестьянскую партию России. Теперь он влияет на жизнь с трибуны, как оратор, как древний логограф. Как партийный деятель, он добивается реальной власти в государстве. Такой власти он, будучи публицистом, не имел.

www.kamunikat.ru